

Абдулина А.Б.

Художественный мир прозы Абиша Кекильбаева

Светлой памяти Мастера

Творчество выдающегося казахского прозаика Абиша Кекильбаева отличается разноплановостью и разнохарактерностью художественных тенденций, при этом ведущей является яркая, философски детерминированная, своеобразная концепция мира и человека. Для постижения её в полной мере требуется широкий формат исследований, которого заслуживает творчество классика казахской литературы. Художественный мир прозы Абиша Кекильбаева – это целая система универсальных духовно-нравственных отношений и традиций, заключенных в тексте романов, имеющих значение и статус явлений национальной культуры. Созданная писателем особая модель действительности раскрывает сложный мир общественной и внутренней жизни казахского народа. В романах "Конец легенды" и "Плеяды – созвездие надежды" каждый образ по-разному соотнесен с другими образами, в свою очередь, иконика соотнесена с отдельным образом. Бесконечное голубое небо, величественные горы, бескрайняя степь – универсальные архетипические первообразы, составляющие суть национального мышления. В них берут свое начало поэзия и верования казахов, как и культура в целом. Поскольку писатель – носитель культуры, то и его творчество, прежде всего, национально.

Художественная концепция романов Абиша Кекильбаева определяется мировоззрением казахского народа, а специфика творческого мышления – отношением к миру и человеку, свойственные кочевой цивилизации. В ярком самобытном творчестве художника оживает огромный мир, бесконечно разнообразный, воспринимаемый чувственно и, в то же время, конкретно. Система образов, репрезентирующая мир романов Кекильбаева, – это люди, предметы и окружающая природа, мир единый, смысл которого заключен в народной мудрости "Бул дүние – біртұтас" (дословно: "Этот мир – одно целое"): "Если человеческая жизнь – нечто мимолетное, как шальной степной ветер, что просвистел и унесся прочь, значит, и прожитые годы, старательно нанизывающие подряд и без разбора все ничтожное и сокровенное, так же призрачны и бесплодны, как этот зыбкий, шуршащий песок под ногами. Выходит, между небом и землей нет ничего, кроме низменной суеты и бессмысленности? Выходит, все проходит, и только непостоянство постоянно, вечно?" [1, 254] "Абулхаир неотрывно глядел на небо. Звезды проступали все ярче и гуще, будто кто-то вновь и вновь зажигал их. Как любопытные дети, сгрудились они над самым отверстием шанырака [2, 9] и, казалось, подглядывали за ханом...Представив, какая тьма окутывает мир там, сразу же за стенами шатра, хан невольно поёжился. Абулхаир поспешил перевести взгляд на звезды, к светлому, вольному, необъятному небу. Звезды хитро подмигивали хану..." [2, 9] Внутренний мир человека изображается автором в процессе постоянного и непрерывного психического потока. Каждая картина

сменяющих друг друга ситуаций структурирована сложной палитрой чувств и размышлений героев.

Художественный мир романов А. Кекильбаева опирается на систему чувственно воспринимаемых, философски осмысленных реалий бытия и на те идеологические категории, которыми обусловлено искусство писателя – эстетические и нравственные представления, воззрения на человека, общество, народ, историю, природу. Специальное комплексное исследование этико-философской концепции мира и человека в прозе Абиша Кекильбаева позволит ответить на целый ряд вопросов, связанных с уяснением своеобразия казахской национальной эстетики, основанной на национальных традициях, обогащенных общением с мировой культурой. Истолкование системы образов сквозь призму нескольких поэтических уровней может дать значимый научный результат и внести вклад в понимание мифологизма национальной литературы современного периода, когда на стыке столетий и тысячелетий происходит переоценка ценностей, и с особой остротой встает проблема феномена национального менталитета, являющегося опорой в осмыслении самобытности истории и культуры казахов.

Так, повесть «Колодец» [3] достаточно показательна именно с позиции отражения системы образов и действительности, репрезентирующих национальную сферу. Апеллируя к общепризнанным понятиям о фундаментальных архетипических категориях, рассмотрим повесть в соотнесенности к семантике и трансформации архетипа воды, помимо земли, огня и воздуха, одной из четырех космических первостихий. Вода представлялась в различных мифологиях в качестве первоначальной субстанции, одной из фундаментальных стихий мироздания. В архетип воды соответственно входит целая система архетипических образов и мотивов, многозначно раскрывающих его общую семантику. Известно, что любая земледельческая цивилизация находилась и находится в прямой зависимости от орошения. Добыча воды всегда было делом особо важным. Во все времена вода добывалась тремя способами: первый – сбор дождевой воды; второй – реки, озёра, пруды; третий – колодцы. Если два первых способа добычи воды являются натуральными, природными, то третий способ является исключительно способностью человека. Поэтому, очевидно, что именно он был особо почитаемым. Многие архетипические смыслы стихии воды отражены в семантике её аватара – образе колодца, как источнике воды.

Вера в целебную силу вытекающей из-под земли воды идет из глубины веков. Водам источников и колодцев приписывали свойства очищения, излечения от болезней, утоления голода. Таинство колодца соединяет в себе таинства земли и воды. Колодец связан с такими понятиями, как «глаз воды», обозначающий связь с прошлым, с миром мёртвых и поэтому имеющий волшебные свойства, кроме того, как жизнь, как путь сообщения между тремя стихиями – воздухом, водой и землей. Символическое содержание образа колодца – это реализация исходных смыслов архетипа воды, но и собственно ассоциативные составляющие, в ряду которых спасение, жизнь, знание, истина, чистота, включая смерть через глубину – от глубины памяти до глубины

земной могилы. Так, в исламе колодец Бархут является могилой пророка Худа, где Худа – Huda – с персидского Бог. [4, 256] Отсюда, колодец Бархут – Могила Бога. Это замечание особенно важно в контексте предпринимаемого анализа. Номинация повести Кекильбаева «Колодец» прямо соотнесена с главным идейным центром произведения. Акцентируя внимание на образе колодца, писатель, в тоже время, не уносит читателя в фантастический мир устно-поэтического народного творения, которое заявляет о себе в завершении повествования, проделав тот самый жизненный путь легендарных преданий – от события к его вербальной сакрализации (имя колодца «Енсеп улген» – «Тот, где погиб Енсеп»). Повествование начинается с фразы, мгновенно определяющей рамки хронотопа событий: «В этот день Енсеп не знал, не ведал, что ему больше не суждено будет опускаться в эту преисподнюю...». [3,118]

Так возникает интрига сюжета, выстроенного в плане развития событий одного рокового дня, перемежающихся чередой воспоминаний кудукши (колодцекопателя), которого вырытый им самый глубокий и многоводный колодец, как огромное чудовище, поглотит и лишит жизни. День, которых было в жизни Енсепа много, и все они были связаны с его ремеслом – даровать людям жарких степей живительную воду, ничем не отличался от других. Начался он не с утра, а ближе к вечеру, когда спала жара, и можно было продолжать работу, начатую уже давно. Приемом ретардации, намеренного сгущения и замедления времени, автор подчеркивает странное предчувствие, испытываемое героем. Он, не торопясь, курит, набирает горсти песка и внимательно разглядывает их, слушает с досадой пустые переговоры помощников, размышляет о жизни бедняков в их бесконечном скитании по безлюдной и знойной пустыне. Но его ждет нутро колодца, а зияющая пустота встречает неистовым холодом чрева земли. Кудукши добирается до дна и отпускает аркан, на котором спускался вниз. Кончик веревки, извиваясь змеей, исчезает в ставшем крошечным, как игольное ушко, отверстии, за которым оставлен мир света и солнца. С этой секунды он вновь пленник каменного мешка, а страх – главное чувство, сравнимое только со стаей голодных волков, ждущих свою добычу. Но как только человек прикасается к земле, к нему привычно приходят тысячекратно передуманные мысли. И главная мысль – «опять-таки о колодцах – этих каменных могилах, да о своей обездоленной, бедной судьбе». [3, 122] Откуда-то из закоулков памяти, по которым бродит душа, встают картины жизни и судьбы кудукши, отверженного от манящего благополучия аула и всю жизнь ищущего воду где-то далеко в бескрайнем степном просторе. Судьба его связана с водой, с мрачной бездной земли, нехотя отдающей её. Колодцекопатель столько раз испытывает её, столько раз подвергается опасности погибнуть, быть погребенным противоречивой стихией, знаменующей жизнь для людей, но несущей смерть посмевавшему открыть тайну рождения потока жизни. Вечные поиски воды становятся для юноши поисками смысла жизни, счастья, осмысления судьбы: «И что такое вообще счастье? В сознании гнездилась мысль, что настоящее счастье так велико, что его не замечаешь. Человек может изведать счастье только в молодости. А чем больше человек раздумывает о нем, домогается его, стремясь

догнать на кляче времени, тем дальше убегает счастье. Да, это короткое слово вмещает в себя все, о чем только мечтает слабый человеческий разум. С момента, как человек начинает грезить о счастье, до той роковой черты, когда он уже теряет веру в него, сколько всего выпадает на долю людскую! Судьба без пощады нахлестывает своим бичом человека. Под градом этих ударов, исполосованный и окровавленный, он может достичь желанной цели – власти, богатства, славы. Но разве в них счастье?» [3,130] Образы поднимающейся со дна колодца бадьи, наполненной грунтом через край, и рядом с ней Енсепа, мысли которого в этот миг словно замирали, – поразительно точная ассоциация с философским контекстом размышлений героя и передачи его людям. Отсюда отвлеченно-философский лексический дискурс – человек, человеческий разум, время, людская доля. Уходит к свету бадья, иносказательно полная тяжелого груза мыслей, и героя вновь сковывает холод, «он садится на дно колодца потерянный, будто забыл начисто что-то жизненно важное. Воспоминания, обступившие его недавно, как вода в половодье, разом исчезли». [3,131]

Итак, человек, каждый миг спорящий с силами природы за сохранение жизни, выполняет роль медиатора, которому дана возможность передать миру ту самую истину о смысле жизни, хранимую самой землей в водах изначальной мудрости (воспоминания уносит вода). Как только совершается это движение, его мысль останавливается, возвращается холод, во рту пересыхает (еще один признак отсутствия влаги), голова наливается тяжестью, на скулах возникают желваки, тоска тисками сдавливает грудь. Зримо нарастает напряжение, которое призвана снять понюшка табака. Чихнув три раза, Енсеп чувствует, как воспоминания возвращаются. Теперь это весна, с её будоражащей кровь истомой, манящим зовом в неведомые края. И Енсепа вдруг охватывало смутное и неодолимое беспокойство, его грудь распирала какая-то горечь, он ощущал себя разбитым, при этом ему страстно хотелось бросить все, покинуть навечно убогую лачугу, прилепившуюся к зияющей яме колодца. Но он оставался и ждал лета, самого торжественного в скупой на радости, дремотной степи мига кочевья. И еще большим контрастом этой вольной цепи караванов и степи, покрытой сочной зеленью, предстает тусклая и беспросветная жизнь тех, кто роет колодцы. «Всей радости в ней – углубляющаяся с каждым днем дыра в чреве земли да возрастающая рядом куча грунта». «Енсеп завидовал верблюдице, молоком которой он и его товарищи забеливали чай. Она свободно бродила по степи, на выпасе: они же, мученики, день-деньской, как кроты, ковырялись в земле». [3,135] «Но жить-то надо, говорил ему разум, а душа бунтовала: неужто жить – означает покориться безжалостной судьбе, что закинула тебе на шею грубую петлю? Раз и навсегда отказаться от высоких стремлений, светлой мечты и бессмысленно топтаться подобно верблюжонку на привязи вокруг железного кола, который вбил в тебя рок?» [3,136] Так, когда-то задумавшись о смысле жизни, Енсеп стал кудушки, научился радоваться каменным срубам колодцев, переполненным чистой водой. Но при этом он обрел страх и ожидание непоправимой беды, глубокое разочарование от зависти и неблагодарности людей, испытал и успех, и забвение. Казалось, жизнь состоялась. Но желание славы и исключительности снедает его душу и,

в конце концов, приводит к гибели. В тот момент, когда ему казалось, что, наконец, его мечта возвыситься и прославиться близка, он одержимо вгрызается в камень приморских скал и, забывая обо всем на свете, неожиданно промахивается, а подхватившая его волна увлекает в пучину.

Важной константой предпринятого исследования является возможность новой интерпретации основополагающих нравственных проблем казахской литературы, связанных с аксиологией национального самосознания, особенно ярко выраженной в творчестве Абиша Кекильбаева – Мастера художественного слова, классика казахской литературы, внесшего значительный вклад в культуру независимого Казахстана.

Литература:

1. Кекильбаев А. Степные легенды. – М.: Художественная литература, 1983.
2. Кекильбаев А. Плеяды – созвездие надежды. – Алма-Ата: Жалын. – 1987.
3. Кекильбаев А. Повести. – М., 1983
4. Бенвенист Э. Словарь индоевропейских социальных терминов // Перевод с фр., общ. ред. и вступ. ст. Ю.С. Степанова. – М., 1995.